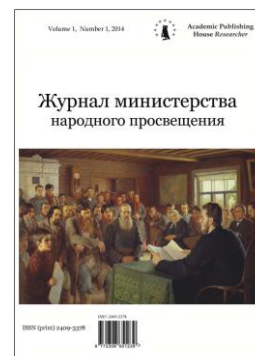

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya
Has been issued since 1834.
ISSN: 2409-3378
E-ISSN: 2413-7294
Vol. 6, Is. 4, pp. 159-170, 2015

DOI: 10.13187/zhmnp.2015.6.159
www.ejournal18.com

UDC 929

Educational, scientific and pedagogical activity of K.I. Nevostruev

Nail M. Valeev

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russian Federation
420111, Republic of Tatarstan, Kazan, Baumana Street, 20
Doctor (Philology), Professor

Abstract

Appeal to the educational, scientific and pedagogical activity of K.I. Nevostruev (1816-1872) – the corresponding member of the Imperial Academy of Sciences, member of the Serbian scientist society in Belgrade, the Yugoslav Academy in Zagreb, professor, specialist in study of early texts, archaeologist, historian and philologist, whose authority in pre-revolutionary Russia and the Slavic community was undeniable, is interesting as it vividly reflects many of the features and characteristics of the spiritual and cultural life of the contemporary era. Born in a Russian province, he gradually reached the heights of Russian and European science, became a famous Russian Slavist, archaeologist, specialist in study of early texts, church historian who left a remarkable trace in all the mentioned areas.

Keywords: K.I. Nevostruev, Vifansky theological seminary, Simbirsk theological seminary, Moscow spiritual academy, archeology, history.

Введение

В начале XX века были опубликованы краткие биографические очерки о К.И. Невоструеве, авторами которых были В. Андреев, П. Неболюбов, члены Симбирской губернской учёной архивной комиссии (ГУАК) [18]. Отдельные штрихи к биографии учёного воспроизвели в своих воспоминаниях невоструевские ученики и коллеги, современники. В данное время сформировалась потребность свести воедино имеющиеся известные материалы, дополнить новыми фактами и сведениями и воссоздать обстоятельный очерк жизни и творчества выдающегося учёного. К имени и многообразному наследию подвижника науки должно быть привлечено внимание широкого круга научной общественности: докторантов, аспирантов, заинтересованных читателей. Думается, приближающееся 200-летие со дня рождения К.И. Невоструева, в феврале 2016 года, должно превратиться в большой праздник науки во всём славянском мире.

Итак, вниманию читателей предлагается учебная и научно-педагогическая деятельность К.И. Невоструева из поучительной биографии учёного, чей авторитет в дореволюционной России и славянском сообществе был непререкаем. Родившись в глубокой российской провинции, он поднялся самостоятельно до вершин российской и европейской науки, стал знаменитым русским славистом, археологом, археографом, историком церкви, сказавшим своё веское слово в каждом из названных направлений.

Материалы и методы

Значительный массив архивных неопубликованных документов, его огромная переписка с выдающимися современниками, извлечённая нами из научно-исследовательских отделов рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), Российской национальной библиотеки (НИОР РНБ), Института русской литературы (Пушкинский Дом) (ОР ИРЛИ), Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРРК НБ им. Лобачевского К(П)ФУ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), Государственного архива Ульяновской области (ГАУО), – впервые (частично) вводятся в научный оборот. Подробный их обзор и обстоятельный анализ – впереди. Кроме того, ряд публикаций, рассеянных в малодоступной дореволюционной периодике и специальной научной малотиражной литературе, по возможности максимально полно привлекается в работе.

Обсуждение проблемы

В 1830 году 14-летний юноша Невоструев поступил в Вифанскую духовную семинарию, где брат его Александр состоял профессором. Вифанская семинария была основана по указу российского императора Павла I от 1 мая 1797 года и располагалась при Вифанском в честь Преображения Господня мужском монастыре, в подворье Троице-Сергиевой лавры. Монастырь размещался в четырёх верстах от Сергиева Посада Московской губернии. В первой трети XIX века семинария была образцовой как по материальному обеспечению, так и по составу учащихся: на обучение принимались в основном одарённые дети. При семинарии была сформирована замечательная библиотека, в которой к 1900 году насчитывалось более 10 000 книг. В книжном собрании имелось немало древних рукописных манускриптов [14, с. 303-304]. «В 1830 году курс обучения в семинарии состоял из низшего, среднего и высшего отделений, в которых преподавались словесность, всеобщая история, греческий, латинский, древнееврейский, немецкий и французский языки, математика, физика, философские и богословские науки, библейская и церковная история...» [15, с. 591].

Перечисленные предметы приобщали обучающихся семинаристов к высокому миру знаний в различных областях, поэтому становится понятным, почему из выпускников духовных семинарий и академий вышло так много известных людей – учёных-историков, богословов, философов и т.д. Братья Невоструевы – ярчайшее доказательство сказанному.

Результаты

Условия к настоящим научным изысканиям были созданы в Московской духовной академии, где в 1836-1840 годах, в пору учёбы там К.И. Невоструева, преподавал ряд знаменитых учёных, и академия входила в новую, ренессансную эпоху своей истории. Ректором был Филарет (в миру Димитрий Григорьевич Гумилевский; 1805-1866), впоследствии архиепископ Харьковский (1857) и Черниговский (1859), который совершил переворот в академической науке. Он первым стал читать лекции по-русски вместо латинского языка, первым внёс в богословие философский элемент вместо прежнего безраздельного господства схоластики, первым выступил с новыми для русского богословия приёмами – критикой источников, филологическим анализом их, с историей догматов веры и полемикой с противоположными взглядами и учениями.

Его лекции были серьёзными и умными; они были содержательными, но что всего важнее, они будили мысль студентов, зажигали в них любовь к науке. Самая главная его заслуга состояла в том, что он учил студентов работать с первоисточниками. Любопытно, говорят, было, как два Филарета, митрополит Московский (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1783–1867) и ректор академии, спорили между собою на экзаменах о разных богословских понятиях. Как известно, в первом издании «Православного Катехизиса» не было статьи о церковном предании, отчего некоторые упрекали его в лютеранском направлении; после долгих споров о том двух Филаретов, предложено было студентам, в числе которых был и Невоструев, написать годичные рассуждения «О значении церковного предания». Все эти рассуждения ректором Филаретом представлены были Филарету

митрополиту. И вот вскоре после этого в «Православном Катехизисе» появилась статья о церковном предании, как признаке истинной церковной веры.

На тот же историко-исследовательский путь направлял студентов профессор, а впоследствии ректор академии Александр Васильевич Горский (1812–1875). По рассказам однокашников Невоструева, в аудитории Горский постоянно приковывал внимание самых невнимательных слушателей. Записанные студентами лекции его долго береглись, как лучшие опыты церковной истории. Он был крупнейшим специалистом по всеобщей истории церкви, был убеждён в том, что церковная история как наука развивается в русле универсальных законов исторического развития и должна использовать только достоверные источники.

Новые веяния, привнесённые в академию ректором Филаретом и профессором Горским, разбудили творческую энергию академической молодёжи. В студенческих комнатах появились греческие и латинские фолианты, пергаментные фрагменты, древние рукописи и старые книги; каждый стремился отыскать что-нибудь новое на пути своих исследований. Опыты подобных разысканий проверялись не только профессорами, но и самим ректором. Струя увлечения учёною работою, влитая в молодые силы, целым потоком охватила всю академию...

Легко видеть, что для Невоструева эта академическая атмосфера была родною стихией: в ней ещё больше и лучше развивались и крепились те задатки неутомимого труженика науки, которые раньше были переданы ему братом, а ещё раньше, в детстве, внедрены заботливым отцом. Из академии он вышел с жаждой широкой научной деятельности, с дивным навыком к работе; много он и сделал, и имя «богатыря-работника», данное ему в одной из поминальных статей, по отношению к нему отнюдь не является гиперболой [2, с. 104].

Окончив Московскую духовную академию с правом на степень магистра, К.И. Невоструев 17 сентября 1840 года был распределён преподавателем во вновь открывшуюся Симбирскую семинарию по предметам священного писания, герменевтики, чтения греческих писателей в среднем отделении, патристики, чтения отцов греческих и латинских в высшем отделении, а с 18 октября того же года сделался ещё наставником еврейского языка [16, с. 18].

Такое обилие и разнообразие предметов преподавания, особенно при недостатке учебных пособий и методических руководств в только начинающейся создаваться библиотеке семинарии, могли бы поставить преподавателя средних способностей в весьма затруднительное положение. Но начинающий учитель в столь разнообразных и толком не разработанных учебных предметах нашёл для себя любимую стихию, которую начал охотно осваивать. Правда, когда ему, в числе многих предметов, предложили преподавать ещё и физико-математические дисциплины, Капитон Иванович отказался, откровенно назвав причину – «по скудости приобретённых в семинарии познаний в физико-математических науках» [13, с. 69].

Он всё больше и больше мужал, внимательнее и серьёзнее относился к своим мыслям и словам. Академию он окончил почти юношей, не определившим своего жизненного пути, колеблющимся и робким. Но постепенно он духовно окреп и начал вырабатывать свои личные суждения по вопросам историческим и церковным, своё мировоззрение.

Летом 1843 года Невоструев решил переводиться в Казань: «Там, – писал он А.В. Горскому, – представляется более средств к занятиям и образованию и, как я думаю, более можно доставить и другим пользы» [3]. Кроме сказанного была и другая, чисто семейная причина, побудившая молодого преподавателя искать места в Казани, куда он, по видимому, съездил, с целью разрешения своей проблемы. Однако, к великому сожалению для Казани и её исторической и церковной науки, – вакантного места в Казанской духовной семинарии не оказалось, и Невоструеву пришлось остаться в Симбирске. Впрочем, и здесь он скоро нашёл себе дело по душе – занятие археологией и церковной историей края.

Думается, в связи со сказанным выше, уместным будет привести курьёзный случай, произошедший с Капитоном Ивановичем в семинарии. Родственные взаимоотношения в семье Невоструевых были очень сильно развиты, и старшие всегда помогали младшим по жизни и в учёбе. Так, Капитон Иванович, ставши профессором Симбирской духовной семинарии, содействовал поступлению в оную младшего братишки – Николая, которому,

однако, по комическому недоразумению, пришлось заканчивать семинарию в Казани. «2 мая 1843 года в 8 часов пополудни, скрылся, неизвестно куда, ученик среднего отделения Николай Невоструев. Употребив все возможные средства к его отысканию, семинарское правление, наконец, отнеслось в градскую полицию об отыскании онаго ученика, сообщив его приметы. После долгих поисков, 2 августа, наконец, Симбирская полиция уведомила семинарское правление, что бежавший ученик Невоструев пойман астраханской полицейской командою 13 июля и находится в астраханском тюремном замке. По показанию, данному Невоструевым астраханской полиции, он находился на воспитании у родного своего брата, профессора Симбирской семинарии К.И. Невоструева, и “убоялся того, что 2 мая брат хотел наказать его розгами”, бежал от него без письменного вида.

Сообщая об этом показании бежавшего, астраханская полиция добавляет, что ученик Невоструев “не совершил на пути никакого противозаконного проступка, но, прибыв в город Астрахань в 6-й день июля, шатался там и спал на улице, где и подобран полицией”. 2 декабря 1843 года беглец был доставлен в Симбирск и передан в распоряжение брата “для представления его к епархиальному начальству Вятской губернии, откуда он был родом”. Семинарское правление, конечно, ещё в июле месяце исключило Невоструева из Симбирской семинарии за его побег; но вскоре он, по ходатайству брата, был принят для продолжения образования в Казанскую семинарию, где благополучно и окончил курс» [13, с. 81-82].

Как нам кажется, это любопытная иллюстрация к вопросу о воспитании в семье в середине XIX века, об отцах и детях, о старших и младших и т.д. Видно, что Капитон Иванович не терпел лентяйства и нарушения дисциплины, за что и пригрозил 19-летнему(!) братишке наказанием. Не менее примечательно, что по его ходатайству юноша был принят в Казанскую семинарию, куда хотел перейти на преподавательскую работу и сам Капитон Иванович. Можно легко представить, какие богатейшие пласты церковной и исторической науки были бы им подняты на древней казанской земле.

Замечательны по своей откровенности и искренности краткие воспоминания протоиерея А.И. Баратынского [5], обучавшегося у К.И. Невоструева в Симбирской семинарии в самом начале его педагогической деятельности.

Наверное, каждый начинающий учительскую карьеру (да и любую другую), увидит себя, свои первые шаги на этом нелёгком поприще. Немало в словах Баратынского поучительного; особенно содержательно его обращение к молодому поколению в конце статьи.

«Несмотря на то, что прошло уже 32 года, в которые много утекло воды в Волге и Свияге, живо рисуется в моей памяти его дебют на профессорском поприще. Как теперь смотрю, как почтенный простак, ректор архимандрит Гавриил (В миру – Василий Иванович Воскресенский (1795–1868)). Окончил Московскую Духовную академию. Был настоятелем Зилантова монастыря в Казани и профессором церковного права, а затем философии в Казанском университете. В 1840 году стал первым ректором Симбирской Духовной семинарии.), тогда известный проповедник и автор истории философских систем, в серенький холодный осенний день привёл в наш нетопленный класс небольшого, тщедушного и крайне застенчивого, можно сказать, юношу, который был одет в казённом синем сюртуке, и к удивлению нашему сказал: “Вот этот будет вам, ребята, наставник”. Юноша-наставник только покраснел до ушей и не мог сказать ни слова. Массивный сравнительно с ним отец ректор, побалагурив как обычно с учениками, ушёл. Новый наставник вынул из кармана и принялся разбирать какие-то тетради (записки о книге Иова); оказалось, прежде всего, что он до такой степени был близорук, что почти не мог разбирать, и зачитал робким, прерывающимся голосом – так невнятно, что мы ничего не могли слышать, а на задних партах некоторые даже позволили себе, по глупости, засмеяться над его чтением и бесцеремонно шуметь. Юноша-наставник ужасно сконфузился и поторопился кончить класс (урок) до звонка.

Можете представить, что дебют такого рода был не в пользу наставника и произвёл на нас до того неприятное впечатление, что мы поторопились решить целым классом, что новый наставник так “плох, что из рук вон”. Проходит другой, третий классы. Наставник все также читает свои лекции по тетрадкам, которые после сдаёт переписать и учить ученикам, всё также крайне не речист и стал заметно больше и больше обижаться шумом в классе, а

шум ветеранов на задних скамьях, назло ему, пуще прежнего. Добрый Капитон Иванович вынужденным нашёлся со слезами на глазах писать о шуме и беспорядках в классе – в классном журнале... Тогда переведённый к нам из Иркутска умный энергичный инспектор А.М. Благовидов – личность замечательная, как инспектор и наставник логики и психологии. Новый инспектор принял самые действенные меры к прекращению классных беспорядков, штрафовал нещадно виновных, сделал по столам старших, которые должны отвечать за тишину в классе, сменил цензора и пр. Обычный порядок мало-помалу был водворён. В звании нового цензора я был обязан, по обычаю того времени, приходиться перед классами к наставникам, которые сдавали тогда заблаговременно свои лекции для списывания ученикам. Прихожу в первый раз к Невоструеву: он, отдавая мне новую лекцию, говорит: “А старые записки я все исправил, вели по ним исправить всем” и, сказавши это, подал мне тетрадь, всю перечёрканную с начала до конца. По этой тетради мы должны были не исправить, а совсем переписать свои лекции, так как имели обыкновение, из экономии в бумаге, писать лаконически – мелко, и потому исправлять наших тетрадей не было возможности. Понятно общее сетование и ропот учеников. Вскоре мне как-то случилось услышать от инспектора, что новый наставник наш – магистр и самый лучший учитель по трудолюбию и знанию своего предмета: в неразумии своём мы сначала подивились, каких плохих магистров выпускает Московская духовная академия, а потом стали более и более вникать в его преподавание. Так прошла первая треть года. Пред рождественским экзаменом Капитон Иванович снова исправил свои лекции, и мы не успевали за ним поправлять своих тетрадей. Экзамен прошёл, по-видимому, так себе. Но после экзамена по священному Писанию приснопамятный Феодотий, епископ Симбирский, усердно, во всеуслышание поблагодарил Капитона Ивановича за основательное преподавание священного Писания, и эта честь была оказана преосвященным единственно ему. Нас это несколько озадачило. После святок большая часть из нас переменили своё прежнее мнение о Капитоне Ивановиче, и стали говорить о преподавании его пословицу: “Не красна изба углами, красна пирогами”. Так мало-помалу достойный труженик, всегда не речистый, по-видимому, – без профессорских способностей, привлек к себе почти общее внимание учеников, и мы иногда с сожалением досадовали, что скоро кончался его класс. Преподавание Капитона Ивановича было плодотворно: я до сих пор не забыл его объяснение книги Иова, пророческих псалмов, евангелиста Матфея, 1 и 2 посланий апостола Павла к коринфянам и апостола Петра. К стыду своему, я должен сказать откровенно, что до сих пор остался при тех знаниях по священному Писанию, какие были преподаны Невоструевым, – и эти знания не изгладятся из моей памяти. Капитон Иванович имел обыкновение по большим годовым праздникам приглашать нас с Благодаровым, как более усердных учеников, к себе на чай. В это время он любил беседовать с нами, как отец с детьми, особенно делал мне много поучительных наставлений, которых никогда не забуду. Не забуду и того, с каким упорным и неутомимым трудом и терпением он, слабый вообще зрением, разбирал рукописи симбирского Спасского монастыря! Описание этого монастыря – его первый архивный труд – появилось уже после, когда он был перемещён в высших интересах науки, в Москву – в помощь известному антикварию, разбирателю синодальных рукописей г. Горскому, ныне знаменитому ректору московской духовной академии. Потом Капитон Иванович долго собирал разные древние рукописи по церквам симбирской епархии, желая составить учёное описание их; но описание это не было окончено, вероятно, по случаю перемещения его в Москву, где он был занят разбором и описанием рукописей Синодальной библиотеки.

Первый том этого громадного труда, составленный им вместе с Горским, имел такое учёное достоинство, что был недоступен современной критике, как откровенно в то время высказался г. Бессонов в “Русской беседе”. Второй том, имевший не меньшее значение для историка и археолога, составлен преимущественно Невоструевым, а последние выпуски – уже им одним. Кроме специальности своей, Невоструев обладал самым основательным и разносторонним общим образованием. Не говоря о критических оценках капитальных сочинений по предмету русских древностей, какие он составлял по поручению Академии наук, его последнее археологическое исследование по поводу подземных находок около Елабуги поразило самых присяжных специалистов глубиной и разносторонностью учёных соображений и, по признанию академии наук, “стоит на самом высоком уровне

современной, не русской, а европейской науки”. И этот, мало сказать – замечательный, а в некотором смысле – великий деятель народного самосознания всю жизнь провёл на скудном жаловании семинарского наставника по старым окладам, и однако ж при таких ограниченных средствах покойный Невоструев, отказывая себе во всём при жизни, оставил после себя обширную библиотеку...

Прискорбна утрата такого учёного деятеля, как Невоструев, но она и героична в высоком христианском смысле сего слова: она окрыляет воспитанников духовных семинарий и академий не щадить труда для дела... Не дивитесь, читатели, если я прибавлю, что этот знаменитый учёный, находясь уже на духовно-учебной службе, не стыдился писать греческие слова, когда ему поручено было преподавание греческого языка в нашей семинарии, уча – учился сам греческому и еврейскому языкам.

Жизнь К.И. Невоструева – в поучение молодому поколению, желающему всего достигнуть без труда, одним, так сказать, размахом широкой русской силы, доказывает, что путь к учёным заслугам, на каком бы то ни было поприще, пролагают не блестящие и яркие дарования, а скорее обыкновенные способности, управляемые энергической волей, какими обладал покойный труженик Невоструев, который при упорном разумном терпении и энергическом медленном и постоянно неусыпном труде, можно сказать, продолбил громадный камень – *non vi, sed saepe cadendo* (Не силой, но частым падением – Н.В.).

Священник А. Баратынский, г. Буинск Симбирской губернии» [7, с. 41-45].

После святок учитель окончательно примирился с учениками, чему немало способствовало его радушие и внимательность к ним: по праздникам он звал их к себе, много беседовал; эти беседы потом передавались другим, и популярность молодого преподавателя росла все больше и больше.

Другой слушатель Невоструева – о. Богоявленский – восторженно характеризовал его как выдающегося преподавателя: «Профессор св. писания и еврейского языка К. И. Невоструев был образцовый наставник, беззаветно преданный своему предмету, любящий его до обожания и ревновавший по нём. У него манкировать лекцией было нельзя. Он не любил бросать слов на ветер, а требовал, чтобы слова его помнили и толкование его записывали; поэтому тетради наши с лекциями обыкновенно были кругом исписаны его толкованиями – как на полях, так и между строк. И надобно было видеть, с каким чувством и благоговением он произносил глаголы Божии: сладость и умиление отражались в его глазах и ланитах! Но с другой стороны, какое огорчение и досада омрачали лицо его, если кто из учеников небрежно читал текст Святого писания, а тем паче, если искажал смысл его. Один из таких небрежников такую глупость сморозил... Боже мой! Что сделалось с Капитоном Ивановичем! Вспыллил страшно, забегал по классу, потом схватил список и порывисто начал писать на нём что-то против фамилии этого ученика, да как вдруг черкнёт со словами: “сокрушу”! Но, разумеется, не сокрушил, ибо в душе был истинный христианин, милостивый и более всех отзывчивый на наши нужды...» [13, с. 117]. К концу года в отношении популярности среди учеников Капитон Иванович стал соперничать с известным тогда в Симбирске профессором В.А. Сбоевым, славившимся красноречием [2, с. 106].

Известный казанский историк, краевед, издатель, библиограф Николай Яковлевич Агафонов (1842-1908) привёл развёрнутую характеристику В.А. Сбоева в казанский период его жизни. «Сбоев Василий Афанасьевич (1810–1855), адъюнкт-профессор русской словесности Казанского университета. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию в 1833 году и был направлен в Казанскую духовную семинарию учителем церковной истории и греческого языка. А.В. Тимофеев, выпускник университета 1892 года, работавший окружным инспектором Казанского учебного округа, рассказывал, что В.А. Сбоев из семинарии на университетскую кафедру попал по счастливой случайности: оказался в нужное время в нужном месте. На одной из церковных служб (в 1840 году), где проповедь говорил учитель семинарии Сбоев, присутствовал М.Н. Мусин-Пушкин, попечитель Казанского учебного округа, который пришёл в восторг от высказанных Сбоевым мыслей о том, что все младшие должны почитать старших, а все подчинённые беспрекословно подчиняться своим начальникам. Очарованный попечитель через короткое время определил понравившегося ему “проповедника” в Императорский университет. В. Сбоев был красноречив, на лекциях любил щегольнуть остротами, а иногда и нескромными анекдотами, но коллеги называли его пустозвоном и были правы, т.к. литературы русской

он не знал и никаких полезных знаний слушателям не давал.

С октября 1840 до лета 1841 года проработал во вновь открытой Симбирской духовной семинарии, где преподавал церковную историю, археологию, каноническое право и немецкий язык. Серьёзных научных трудов не создал» [1, с. 205, 208].

Путешествуя летом 1843 года по Волге, Невоструев пленился красотой края, в котором жил, и полюбил его. «Ах, какие там по Волге встречаются прелестные и величественные местоположения, – писал он Горскому 30 августа 1843 г. – Какие гигантские горы, горы кремнистые, часто с необыкновенно великими, непроходимыми пещерами, сторожат нашу царицу-реку! А под горами – какие иногда стелятся прекрасные долины! Некогда сии горы и пещеры служили притоном разбойников, страшных для плывущих судов и воспетых в наших старинных песнях. С высоты гор невольно представляется мысль о чём-то беспредельном, далёком и вечном; земля и всё земное исчезает под ногами, сердце томится и рвётся неведомо куда...» [2, с. 108].

Так восторгался Капитон Иванович природой Поволжья, и здесь, в этих немногих словах восторга, уже сказывается в нём та историческая и археологическая жилка, которая определила впоследствии его судьбу: при взгляде на прелестный ландшафт его охватывало высокое чувство романтического томления «по неведомому», но мысль невольно, сама собой, обращалась к минувшим дням этого ландшафта, поднимала историческую завесу, воскрешала забытые образы стародавнего прошлого... [2, с. 108].

Восхищённое восприятие красот родной природы, переданное во вполне поэтических строках, хочется мне дополнить реальными стихотворными строками, с искренним удивлением обнаруженными мною в его переписке. И через два десятилетия Невоструев хорошо помнил впечатления от неоднократных путешествий по Волге симбирской поры своей жизни, но усилил их фактами и преданиями из древней истории края, почерпнутыми им в московских и других архивах.

В майском письме 1861 года архимандриту Савве (Тихомирову) Капитон Иванович разразился поэтическим экспромтом, узнавши о предстоящей поездке о. Саввы на Волгу, в Ярославль.

«Честь имею покорнейше и душевно радуясь приветствовать Ваше Высокопреподобие с монаршею милостию, о которой узнал я вчера из письма отца протоиерея Александра Васильевича.

Очень жалею, что не буду иметь удовольствия лично узреть Вас в сём украшении и принести Вам моё приветствие в предпринимаемый мною вояж к Вам на память преп. Сергия. Вы, слышал я, тотчас после экзаменов Ваших отправляетесь на ревизию в Ярославль.

Добрый Вам путь и мой привет
Царице рек, разгульной и живой,
Так величавой и широкой,
Так грозной там – внизу, далеко.
Как горы там идут её валы,
И тщетно бьют в Симбирские скалы...
Там видела она орды Аттилы, Тамерлана
И войски нашего царя Ивана.
Поила племена исчезнувших Болгар,
Потом Монголов и Татар,
Орды Батыев, татар Казанских.
И Каме, сей сестре, сопернице всегдашней,
Реке моей домашней...
Хоть я прозаик, не поэт,
Моё им шлю почтение, привет.

...У нас по Кремлю и по библиотеке всё обстоит благополучно.

С совершенным к Вам почтением и душевною признательностию за добрую Вашу и снисходительную ко мне память честь имею навсегда быть...» [17, с. 622].

Без сомнения, строки эти – живое свидетельство любви к малой родине, постоянной о ней благодарной памяти... Интересно и соотношение исторических эпох и событий, которые последовательно, соответственно реальным фактам, упоминаются в поэтической пробе пера.

Вскоре склонность к историко-археологической работе проявилась и более конкретным образом. В консисторском архиве Невоструев нашёл несколько интересных документов по истории симбирских церквей и монастырей, заинтересовался ими, тщательно их подобрал и систематизировал. Сначала он не предполагал серьёзно заниматься этим делом, и вся указанная работа была выполнена им лишь для того, чтобы порадовать А.В. Горского, – большого, как он знал, любителя всяких редких вещей и древних бумаг. Ему он и направил свои выписки. Однако маститый учёный, похваливши труды начинающего археолога, вернул их с советом и впредь заниматься подобными исследованиями. Совет пал на добрую почву, и Невоструев очень усердно занялся симбирскими, самарскими, ставропольскими и другими поволжскими древностями, совершая с этой целью ежегодные поездки по разным приволжским городам и селениям. Поиски его были довольно успешны. Кроме того, что он собрал материалы для описания многих симбирских церквей и монастырей и даже вообще Симбирского края (в его архиве хранятся даже карты последнего, исполненные студентом Московского университета Ефремовым), – он отыскал ещё в Самарском магистрате несколько новых данных для истории Пугачёвского бунта, в Ставрополе нашёл «сведения о крещении калмык» и об основании города, и вообще он признавался своему наставнику, что в его собрании материалов есть акты, пригодные для издания архивной комиссии и археологической экспедиции. И в этом он едва ли ошибался. Ценных для общероссийской науки материалов в Симбирском крае было предостаточно.

В письме своему наставнику Горскому он писал:

«Недавно письмом я просил Вукола Михайловича Ундольского, справиться в Московских архивах, не откроется ли в них каких грамот или известий о монастырях здешней епархии? Весьма жалею, что сам я не в Москве теперь, а там я думаю, более можно найти сведений о наших обителях, нежели здесь. Сбор материалов скоро, думаю, у меня кончится, и чего с нетерпением я ожидаю.

1846 года Дек. 21 го дня» [4, л. 3].

Просьба, с которой он обратился к уже известному библиографу, исследователю и коллекционеру рукописной и старопечатной книги В.М. Ундольскому (1816-1864), конечно же, была неисполнима. Для этого нужно было, бросив свои дела, заняться разысканием сведений, имеющих отношение к Симбирской епархии. Позже, после переезда в Москву, сам Невоструев жаловался Горскому, что ему очень многие досаждали просьбами, найти те или иные материалы, документы, сведения в Синодальной библиотеке, чем отрывали от своих дел (но, невзирая на лица, помогал, как увидим ниже). Знакомству с ровесником Ундольским начинающий симбирский краевед, разумеется, обязан своему наставнику и покровителю Горскому. Знакомство это в московский период жизни Невоструева не переросло в дружеское общение коллег, увлечённых одним большим делом. Возможно, определённая ревность к человеку, также занимающемуся описанием славянских рукописей, но, силою обстоятельств, находящемуся в более привилегированном положении (жизнь в Чудовом монастыре на всем готовом среди рукописей, недоступных для светских учёных), вызывала некое раздражение у Ундольского, который к тому времени опубликовал целый ряд книг по аналогичной теме. Основной труд Ундольского, опубликованный после его ранней смерти, – «Очерк славяно-русской библиографии» (1871), в котором описаны более 4 700 книг кирилловской печати 1491-1864 годов, был приобретён Невоструевым для своей библиотеки.

Вообще, приступивши к историческим и археологическим изысканиям, начинающий учёный удачно избрал направление научной работы, одобренное его учителем А.В. Горским. В одну из своих поездок Невоструев познакомился с богатыми симбирскими помещиками Языковыми, представителями старинного дворянского рода, известными в крае со второй половины XVII века. Видный поэт пушкинской плеяды, Николай Михайлович Языков (1803-1846) и его старшие братья – Петр Михайлович (1798-1851) и Александр Михайлович (1799-1874) – были людьми высококультурными, образованными и, разумеется, собирали каждый свою библиотеку. В перспективе они планировали объединить книжные собрания в одно, что и было сделано после преждевременной кончины Н.М. Языкова. Их собрание легло в основу фонда Карамзинской общественной библиотеки, которая была открыта в 1848 году хлопотами Петра Михайловича Языкова. Карамзинская общественная библиотека

в Симбирске была одной из богатейших провинциальных губернских библиотек.

Братья Языковы с интересом и удовольствием общались с К.И. Невоструевым, а узнавши о его серьёзном увлечении историческим прошлым края, всячески содействовали ему в работе. Они предоставили в его пользование своё обширное собрание рукописей и старинных актов, хлопотали ещё о его назначении библиотекарем вновь открытой в Симбирске Карамзинской библиотеки.

Из интересных симбирских знакомств непременно следует отметить его встречу и общение с престарелой сестрой известного русского поэта и крупного государственного деятеля Ивана Ивановича Дмитриева (1760-1837) Натальей Ивановной. Считая себя причастным к литературе, молодой преподаватель семинарии не мог обойти вниманием родственницу знаменитого поэта и, по возможности, регулярно навещал её, с искренним увлечением расспрашивая о прошедшей эпохе, об уже исторических личностях.

Языковы познакомили молодого учёного с симбирским губернатором Авксентием Павловичем Гевличем (1790-1861), который сам был человеком чрезвычайно деятельным и за три года службы в Симбирске (1840-1843) сделал очень много для развития края. А.П. Гевлич, хорошо понимая значение научной работы, открыл Невоструеву беспрепятственный доступ в губернские архивы, будучи заинтересованным в обнаружении симбирских древностей в общероссийской печати. Таким образом, говоря современным языком, Капитон Иванович работал на престиж губернии и края в целом. Материалов в местных хранилищах было много, но их уровень оставлял желать лучшего.

Мечту о переводе в Московскую или Вифанскую семинарии не удавалось осуществить из-за отсутствия вакантных мест в этих учебных заведениях. А ему виделась реальная возможность иметь доступ к богатейшим московским книгохранилищам и архивам, но до поры до времени приходилось жить и трудиться в провинциальном Симбирске.

Епископ симбирский Феодосий (в миру Озеров Фёдор Андреевич; 1797-1858), узнав о молодом краелюбе, также начал всячески помогать ему. Он оказывал авторитетное содействие и покровительство при изучении древностей симбирской епархии в церковно-археологическом отношении Невоструеву во всё время своего управления епархией.

Первой задачей Невоструева было собирание материалов для исторического описания монастырей Симбирской епархии, причём ему открыт был доступ во все монастырские архивы. В письмах его нет указаний на то, в каком состоянии встречал он при своих изысканиях архивы монастырей. Но почти с уверенностью можно сказать, что они не могли не поразить собирателя своим беспорядочным состоянием, что, конечно, и заставило его предварительно заняться приведением их в более или менее приличный вид [12, с. 143]. Что он занимался долго и упорно этой тяжёлой работой разбора и приведения в порядок монастырских архивов Симбирской епархии, подтверждается свидетельством самого Невоструева. В первом «столпе» архива симбирского Покровского монастыря обнаружена следующая надпись, сделанная рукой учёного: «Сии и все прочие дела бывшего Симбирского Покровского монастыря до самого его упразднения, т.е. до 1830 года, собраны, приведены в порядок трудами, и переплетены в столпы тщанием профессора Симбирской духовной семинарии Капитона Невоструева в 1847 году. Братия и отцы честныя обители, блюдите ради отцев ваших, вас самих и грядущих по вас родов сии памятники минувшаго и меня благословите, а не кляните. Молю Вас, братия и отцы, любовью вашею и моими посильными трудами, каковыя положил я в описание вашего и всех в Симбирской епархии сущих и прежде бывших обителей, числом до 25: помяните в молитвах ваших меня, недостойнаго и худшаго раба Капитона, и по плоти отца моего иерея Иоанна, и мать Татьяну, и братию, раб Божиих: Василия, Иоанна, Николая и Ольгу.

Подписал сие своею рукою, находясь при описании рукописей Московской Синодальной библиотеки, в Московском кафедральном Чудовом монастыре, профессор Капитон Иванов сын Невоструев, 1850 года генваря 25 дня. Господи, сохрани мя под кровом Твоим!» [7, с. 53].

Следует сказать, что архив только этого монастыря составляли 19 объёмных «столпов», каждый от 600 до 2 000 листов. Если все это помножить на 25, получится объём фантастической работы, проделанной начинающим учёным.

К.И. Невоструев первым из частных лиц получил доступ и в московские государственные архивы старых дел и вотчинный, где хранились крайне интересовавшие

его документы. Целых 13 объёмистых тетрадей исписал он, работая с бесценными сокровищами древности.

В 1871 году Невоструев вёл переговоры с московскими издателями о напечатании описаний всех монастырей Симбирской епархии, но не успел завершить столь важного дела, прерванного преждевременной кончиной. Павел Неболюбов писал в этой связи о планах Капитона Ивановича по изданию описания всех монастырей Симбирской епархии в виде большого сборника. К сожалению, этой публикации воспрепятствовала, скорее всего, очень высокая цена, а также и болезнь автора. А опыт изданий подобного рода у Невоструева был большой, научного авторитета тоже было не занимать. «В архиве Невоструева сохранились два счета (на его имя) от типографии В. Готье и от Моск(овской) Синод(альной) типографии (5 марта и 15 сент. 1871 г.), в которых “по приблизительному расчёту”, предполагаемое печатание книги о монастырях (до 50-51 листа, в 8-ю долю, в кол-ве 1 200 экз-в) должно было обойтись в 1 260 руб. 14 коп. в Синод тип. или в 1 145 руб. у Готье» [7, с. 54].

Чрезвычайно важным представляется и то, что многие симбирские редкие рукописи, древние акты, описания и пр., пересланные после смерти учёного в Симбирск, оказались единственными документами, уцелевшими после большого симбирского пожара в августе 1864 года, уничтожившего не только бумаги, но и почти все городские здания и постройки.

В письме – приложении к «Описанию бывших в Самаре Преображенского мужского и Спасского женского монастырей» Капитон Иванович сам обозначил широчайшие возможности для научной работы, открытые ему архиепископом симбирским Феодотием, а затем и губернатором: «Вполне сознавая важность и необходимость документального, по коренным источникам, описания монастырей и церквей не только для науки, но часто полезного и материального отношения, особенно же нужду полного исторического обозрения епархии, его преосвященство изволил дать мне все способы к моим занятиям и доступ к архивам... При этой возможности, не говоря о духовных архивах, я просматривал столбцы и старые дела в Симбирске – гражданской и казённой палаты, губернского правления, уездного суда и магистрата и архивы уездных судов в городах Сызрани, Самаре, Алатыре, Курмыше и Ставрополе, акты некоторых пригородов и селений и собрал сведения о гражданском быте и древностях сих городов и мест».

Работая в монастырских архивах, молодой учёный делал обстоятельные выписки из документов, некоторые из бумаг оставлял у себя в подлинниках. Несколько сот ценных рукописей переписал он для своих научных целей. Только кратких извлечений из архивных документов набралось у него 14 тетрадей большого формата до 150 страниц каждая.

Даже после перевода в Москву для исполнения своей исторической миссии – описания рукописей Синодальной библиотеки – Невоструев продолжил разрабатывать симбирскую тематику.

В 1855 году архиепископ Феодотий, приехавший в Петербург на съезд духовенства России на довольно продолжительное время, пригласил чудовского сидельца к себе с тем, чтобы он мог просмотреть древние документы по Симбирской епархии, хранящиеся в почти недоступном архиве Святейшего Синода. Разумеется, учёный не преминул в полной мере воспользоваться столь редкой возможностью, разыскал и переписал массу полезных и важных бумаг.

Справедливости ради, следует отметить, что недавно на здании бывшей духовной семинарии в Симбирске – Ульяновске (ул. Гончарова, 30), по решению научного реставрационного совета Государственного историко-мемориального заповедника «Родина В.И. Ленина», установлена мемориальная доска, где обозначены имена известных людей, которые в разные годы работали и учились в семинарии. Среди них назван и «Капитон Невоструев, преподаватель семинарии, историк и археолог, внёс большой вклад в описание истории Симбирска» [11].

Заключение

В «Энциклопедии Ульяновской области» в статье о духовной семинарии также упоминается известный учёный: «В духовной семинарии преподавали Михаил Семенович Флоренсов, духовный отец философа и религиозного деятеля Павла Флоренского, знаток древнерусских рукописей, историк и краевед Капитон Иванович Невоструев». Конечно, удивительно, что в этой «Энциклопедии» нет персоналии Невоструева, я бы сказал, одного

из выдающихся историков и краеведов Симбирска, Прикамья и Поволжья, а также славянского мира. «Пионером архивоведения в Симбирской губернии» справедливо назван Капитон Иванович в статье «Из поволжской старины», опубликованной в «Историческом вестнике» (1907. № 8. С. 493-514). Здесь верно говорится, что начинающий учёный «подготовку к работам этого рода получил в Симбирске. Он выполнил огромную работу по приведению в порядок монастырских архивов и собиранию материалов для историко-археологического и статистического описания Симбирской епархии».

Примечания:

1. Агафонов Н.Я. К биографии В.А. Сбоева // Агафонов Н.Я. Из Казанской истории. Казань, 1906. С. 205, 208.
2. Андреев В. Капитон Иванович Невоструев: Биографический очерк // Русская старина. 1908. № 1. С. 97-110; № 2. С. 367-392.
3. Архив А.В. Горского // НИОР РГБ. Ф. 78. К. 27. Ед. хр. 72.
4. Архив А.В. Горского // НИОР РГБ. Ф. 78. К. 28. Ед. хр. 18.
5. Баратынский А.И. Памяти К.И. Невоструева // Православное обозрение. Известия и заметки. 1873. № 2. С. 194-197.
6. Валеев Н.М. Вопросы славяноведения в переписке К.И. Невоструева и В.И. Григоровича // В мире научных открытий. 2015. № 3 (63). С. 7-13.
7. Валеев Н.М. К.И. Невоструев: творческая биография ученого. Переписка: Монография. М.: Издательство «Перо», 2015. 425 с.
8. Валеев Н.М. Scientific dialogue of the Russian and Slavic historians in the correspondence of K.I. Nevostruyev and N.A. Popov // Русская старина. 2015. № 2 (14). С. 80-85.
9. Валеев Н.М. Переписка К.И. Невоструева и митрополита Макария // Вопросы истории. 2014. № 12. С. 157-162.
10. Валеев Н.М. Письма К.И. Невоструева архиепископу Филарету // В мире научных открытий. 2014. № 11.13 (59). С. 5201-5206.
11. Ермакова Е. Возвращение к памяти // Народная газета. 2001. № 37.
12. Крылов Н. Очерки из далекого прошлого // Вестник Европы. 1900. № 5. С. 140-144.
13. Неболюбов П. Пятидесятилетие Симбирской духовной семинарии: 1840-1890 // Симбирские епархиальные ведомости. 1900. № 15 (1 августа).
14. Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне СПб.: Книгоиздательство П.П. Сойкина, 1909.
15. Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. VIII. Вероучение – Владимир-Волынская епархия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004.
16. Пятидесятилетие Симбирской духовной семинарии // Симбирские епархиальные ведомости. 1900. № 4.
17. Савва (Тихомиров), архиепископ. Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, Архиепископа Тверского и Кашинского: в 4 т. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1902. Т. 2.
18. Сборник в память десятилетия Симбирской губернской архивной комиссии. 1895-1905 / Сост. и ред. П.Л. Мартынов. Симбирск: Губернская Типография, 1906.
19. Симбирские епархиальные ведомости. 1900. № 19 (1 октября). С. 81-82.
20. Симбирские епархиальные ведомости. 1901. № 7. С. 36-37).
21. Христианство: Энциклопедический словарь: в 3 т. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. Т. 1.

References:

1. Agafonov N.Ya. K biografii V.A. Sboeva // Agafonov N.Ya. Iz Kazanskoj istorii. Kazan, 1906.
2. Andreev V. Kapiton Ivanovich Nevostruev: Biograficheskiy ocherk // Russkaya statina. 1908. № 1. P. 97-110; № 2. P. 367-392.
3. Arkhiv A.V. Gorskogo // NIOR RGB. F. 78. K. 27. Ed. khr. 72.
4. Arkhiv A.V. Gorskogo // NIOR RGB. F. 78. K. 28. Ed. khr. 18.

5. Baratynskiy A.I. Pamyati K.I. Nevostrueva // Pravoslavnoe obozrenie. Izvestiya i zametki. 1873. № 2. P. 194-197.
6. Valeev N.M. Voprosy slavyanovedeniya v perepiske K.I. Nevostrueva i V.I. Grigorovicha // V mire nauchnykh otkrytiy. 2015. № 3 (63). P. 7-13.
7. Valeev N.M. K.I. Nevostruev: tvorcheskaya biografiya uchenogo. Perepiska: Monografiya. M., 2015. 425 p.
8. Valeev N.M. Scientific dialogue of the Russian and Slavic historians in the correspondence of K.I. Nevostruev and N.A. Popov // Russkaya starina. 2015. № 2 (14). P. 80-85.
9. Valeev N.M. Perepiska K.I. Nevostrueva i mitropolita Makariya // Voprosy istorii. 2014. № 12. P. 157-162.
10. Valeev N.M. Pisma K.I. Nevostrueva arkhiepiskopu Filaretu // V mire nauchnykh otkrytiy. 2014. № 11.13 (59). P. 5201-5206.
11. Ermakova E. Vozvrashchenie k pamyati // Narodnaya gazeta. 2001. № 37.
12. Krylov N. Ocherki iz dalekogo proshlogo // Vestnik Evropy. 1900. № 5. P. 140-144.
13. Nebolyubov P. Pyatidesyatiletie Simbirskoy dukhovnoy seminarii: 1840-1890 // Simbirskie eparkhialnye vedomosti. 1900. № 15 (1 avgusta).
14. Pravoslavnye russkie obiteli. Polnoe illyustrirovannoe opisanie vseh pravoslavnykh russkikh monastyrey v Rossiyskoy imperii i na Afone. SPt., 1909.
15. Pravoslavnaya entsiklopediya / Pod red. Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II. T. VIII. Verouchenie – Vladimiro-Volynskaya eparkhiya. M., 2004.
16. Pyatidesyatiletie Simbirskoy dukhovnoy seminarii // Simbirskie eparkhialnye vedomosti. 1900. № 4.
17. Savva (Tikhomirov), arkhiepiskop. Khronika moey zhizni. Avtobiograficheskie zapiski vysokopreosvyashchennogo Savvy, Arkhiepiskopa Tverskogo i Kashinskogo: v 4 t. Sergiev Posad, 1902. T. 2.
18. Sbornik v pamyat desyatiletiya Simbirskoy gubernskoy arkhivnoy komissii. 1895-1905 / Sost. i red. P.L. Martynov. Simbirsk, 1906.
19. Simbirskie eparkhialnye vedomosti. 1900. № 19 (1 oktyabrya). P. 81-82.
20. Simbirskie eparkhialnye vedomosti. 1901. № 7. P. 36-37).
21. Khristianstvo: Entsiklopedicheskiy slovar: v 3 t. M., 1993. T. 1.

УДК 929

Учебная и научно-педагогическая деятельность К.И. Невоструева

Наиль Мансурович Валеев

Академия наук Республики Татарстан, Российская Федерация
420111, Республика Татарстан, Казань, улица Баумана, 20
Доктор филологических наук, профессор

Аннотация. Обращение к учебной и научно-педагогической деятельности К.И. Невоструева (1816-1872), члена-корреспондента императорской Академии наук, члена Сербского учёного общества в Белграде, Югославянской Академии в Загребе, профессора-археографа, археолога, историка и филолога, чей авторитет в дореволюционной России и славянском сообществе был непререкаем, интересно тем, что она рельефно отражает многие черты и особенности духовно-культурной жизни современной ему эпохи. Родившись в глубокой российской провинции, он поднялся самостоятельно до вершин российской и европейской науки, стал знаменитым русским славистом, археологом, археографом, историком церкви, сказавшим своё веское слово в каждом из названных направлений.

Ключевые слова: К.И. Невоструев, Вифанская духовная семинария, Симбирская духовная семинария, Московская духовная академия, археология, история.